

УДК 347.1

СПОСОБЫ ЗАКРЕПЛЕНИЯ НОРМ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА В АКТАХ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Ротань В. Г.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Проблема способов закрепления правовых норм в актах гражданского законодательства никогда не привлекала должного внимания науки. Даже Е. В. Васьковский, создавший мощное рационалистическое учение о толковании и применении гражданских законов, не довел исследование указанных способов до логического завершения. Сохраняются проблемы даже при интерпретации текстуально закрепленных правовых норм. Что касается логически закрепленных правовых норм, то они попросту игнорируются как в науке, так и в практике правоприменения. Научный инструментарий обнаружения логически закрепленных правовых норм обычно заменяется абстрактной ссылкой на смысл или содержание соответствующего положения акта гражданского законодательства. Поэтому наука гражданского права должна обратиться к исследованию логически закрепленных правовых норм. Логически закрепленные в актах гражданского законодательства правовые нормы обнаруживаются при толковании путем учета контекста, а также с помощью выводов *a contrario*, *a fortiori*, от предыдущего правового явления к последующему и наоборот. Логически закрепленные нормы гражданского права способны конкурировать с текстуально закрепленными правовыми нормами. Но правовые нормы, обнаруживаемые при помощи вывода *a contrario*, не могут применяться в противоречии с текстуально закрепленными правовыми нормами. Однако из этого правила есть ряд исключений.

Ключевые слова: правовая норма; гражданское законодательство; текстуально закрепленные нормы; логически закрепленные нормы; вывод степени; вывод от противоположного; контекст; преимущественное применение норм; конкуренция между нормами.

Знание способов закрепления норм гражданского права в актах гражданского законодательства и умение обнаруживать эти нормы являются непременным условием профессионального подхода к работе с этими актами. Но знание юристами указанных способов до профессионального уровня никогда не поднималось, оставалось на уровне общих представлений, а умение обнаруживать нормы гражданского права в нормативных текстах у юристов никогда не формировалось на научной (теоретической) основе, а приобреталось ими по мере накопления практического опыта и интуитивно. Между тем потребности развития правовой системы в России требуют создания научных основ обработки нормативных текстов с целью обнаружения правовых норм. При этом обращение к цивилистическому аспекту этой проблемы представляется наиболее актуальным, ибо добротная правовая теория всегда формировалась с учетом отраслевого материала, который предоставляла наука гражданского права, гражданское законодательство и практика его применения.

Хотя проблема способов закрепления норм гражданского права в актах законодательства специально никогда не ставилась, а потому и не разрешалась, все же юридическая наука и, в частности, наука гражданского права создали неплохие предпосылки, которые могут служить теоретическим основанием для разработки соответствующих отраслевых (цивилистических) научных положений. Такие пред-

посылки были созданы Ф.К.ф. Савиньи, Е. В. Васьковским, С. С. Алексеевым, А. С. Пиголкиным, А. Ф. Черданцевым, С. И. Вильнянским и другими учеными.

Целью настоящей статьи является формулирование ряда теоретических положений, которые могли бы, с одной стороны, быть развитием научного знания в соответствующей области, а с другой, – быть инструментом профессиональной обработки текстов актов гражданского законодательства.

Научное творчество С. С. Алексеева является в определенном смысле вершиной советской и российской юридической науки. Поэтому сформулированные им теоретические положения и оценки могут рассматриваться как то понимание соответствующих проблем, которое сложилось в отечественной юридической науке в целом. Правовую норму С. С. Алексеев характеризовал, в частности, как предписание, находящее «прямое выражение в тексте нормативного или иного правового акта» [1, с. 36]. При этом «конкретное нормативное предписание (под таковым автор понимает правовую норму. – В.Р.) не существует вне определенного, структурно выделенного подразделения в тексте акта» (там же). Похоже, что тут ставится знак равенства между правовой нормой и положением нормативно-правового акта. В приведенном фрагменте из научной работы С.С. Алексеева привлекает внимание указание на «прямое» (выражение правовой нормы в акте). Выходит, что ученый признает, что в нормативном тексте правотворческий орган выражает свои мысли прямо и непрямо. Но правовая норма может содержаться только в той сформулированной в нормативном тексте мысли правотворческого органа, которая выражена прямо. Автор этой статьи был бы благодарен коллегам по науке, если бы опровергли этот его вывод, но пока он оказался в глубоких сомнениях. С одной стороны, – вершина юридической науки, а с другой, – стремление к истине, которое не позволяет согласиться с тем, что эта вершина утверждает.

Практика – критерий истины. Этому нас учили классики коммунистического учения. И в этом они, видимо, были правы. Поэтому обратимся к этой практике, сначала – к законодательной, а потом – правоприменительной. Из ст.6 ГК мы узнаем, что регулирование гражданских отношений может быть «прямым», а когда прямое урегулирование отсутствует, применяется правовая конструкция аналогии закона. Выходит, что когда применяется правовая конструкция аналогии закона, имеет место не прямое регулирование гражданских отношений. Это полностью согласуется с приведенными выше сформулированными С. С. Алексеевым научными положениями.

Но законодатель оказался не твердым в таком понимании прямого и непрямого правового регулирования. В ст. 1 позднее (чем Гражданский кодекс) принятого Гражданского процессуального кодекса законодатель связывает применение норм гражданского процессуального права по аналогии с отсутствием норм, которые «регулируют» (а не «прямо регулируют») процессуальные отношения. Такая ж терминология используется и в ст. 2 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации. Что касается Гражданского кодекса, то употребление словосочетаний «прямо предусмотрено» (п.1 ст. 4), «прямо указано» (п.2 ст. 162), «прямое указание» (п.2 ст. 188¹) наряду со словами «установлено», «предусмотрено» (без слова «прямо»), словосочетаниями «из закона не следует» (п.1 ст. 168), «вытекает (не вытекает) из закона» (п.2 ст. 423) дает основание для утверждения, что есть правовые нормы, которые установлены прямо и непрямо. В последнем случае они из акта гражданского законодательства «вытекают».

Перечисление в п.73 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2015 г. №25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» в случаях, когда сделка является ничтожной «в силу прямого указания» закона также дает основание утверждать, что

прямое установление правовых норм заключается в таком их закреплении, когда в нормативном тексте непосредственно формулируются гипотеза и диспозиция правовой нормы, а для их обнаружения не требуется лингвистического, а тем более – логического преобразования нормативного текста. При этом не исключается не прямое закрепление (установление) правовых норм.

Непрямое установление правовых норм имеет место уже тогда, когда они в положениях актов законодательства закрепляются текстуально. Это связано с тем, что правотворческие органы проявляют стремление к изящной словесности (Французский гражданский кодекс иногда даже сравнивают как литературное произведение с творчеством Дюма) и используют не нормативные лингвистические формы (при таких-то обстоятельствах такое-то лицо приобретает такое-то право), а описательные лингвистические формы, например, «заказчик организует и осуществляет приемку результата работ...» (п.2 ст. 752 ГК), «вред... возмещается...» (ст.1084 ГК).

Таким образом, уже текстуально закрепленные нормы гражданского права делятся на установленные прямо и непрямо. Но далеко не все правовые нормы текстуально закрепляются в актах гражданского законодательства. Есть еще и такие нормы гражданского права, которые текстуально не закреплены, но они содержатся в соответствующих нормативных положениях. Закрепляются они логически. Ситуацию в науке во многом характеризует то обстоятельство, что в философии права проблема логически закрепленных норм помечена. В частности, И. П. Маликова пишет, что для нормативных текстов характерна содержательная двойственность. Определенная система значений артикулируется в них первоначально и с учетом этого является очевидной. За ними скрывается вторичная система значений, для которой первая является формой репрезентации [2, с. 82]. Казалось бы, в первую очередь наука гражданского права и должна была обратиться к этой неочевидной вторичной системе значений. Но такого не произошло ни в гражданском праве, ни в других отраслевых юридических науках.

Наиболее наглядным примером логического закрепления правового предписания, правда, в индивидуальном (а не нормативном) акте, дает практика Древнего Рима. Уходя на войну, римлянин составил завещание. Он завещал на случай если он погибнет, а жена родит сына, передать сыну две трети своего имущества, а жене – одну треть. На случай рождения дочери римлянин завещал жене две трети своего имущества, а дочери – одну треть. Родились мальчик и девочка. По практике жестко буквального толкования правовых актов, которая господствовала в Древнем Риме со времени принятия Законов XII таблиц, такое завещание не должно было влечь каких-либо гражданско-правовых последствий. Но дело было в I веке н. э., когда уже наметился отход от жесткого формализма, и оно было решено с учетом логического содержания завещания. Из текста завещания явствовало, что завещатель какую-то долю наследственного имущества завещает дочери. Вдвое большую долю он завещает жене. А сыну он завещал долю наследственного имущества, которая должна быть вдвое большей, чем доля жены. Следовательно, наследственное имущество подлежит разделу на доли, одна из которых переходит дочери, две (вдвое больше, чем дочери) – жене, четыре (вдвое больше, чем жене) – сыну. Всего долей, на которые подлежит разделу наследственное имущество, – семь. Такие предписания были сделаны в завещании логично, хотя текстуально они в завещании не содержались.

Возникает вопрос о том, а можно ли встретить подобные (логически закрепленные) правовые нормы в современном российском гражданском праве. Ответ должен быть положительным, поскольку огромное количество правовых норм логически закрепляются в актах гражданского законодательства. Обнаруживаются они при толковании, в частности, при помощи учета контекста (такие правовые

нормы вытекают из контекста). Примером может быть п.1 ст. 380 ГК. Здесь ничего не говорится о том, могут ли быть обеспечены залогом обязательства с неимущественным содержанием. Но поскольку задаток передается «в счет причитающихся» с должника «платежей по договору» (п.1 ст. 380 ГК), то при отсутствии этих причитающихся платежей правовая конструкция задатка не может быть использована. Однако В. В. Витрянский игнорирует правовую норму, которая логически закреплена в указанном законодательном положении, полагая, «что действующий ГК... не исключает возможности обеспечения задатком предварительного договора» [3, с. 485]. Но ведь предварительный договор не порождает имущественных правоотношений, а выдача задатка во исполнение обязанностей в таких правоотношениях противоречит правовой норме, которая логически закреплена в п.1 ст.370 ГК и вытекает из ее контекста. В то же время законодатель не может быть ограничен в праве устанавливать любые целесообразные правовые конструкции в специальных правовых нормах. Такой специальной правовой нормой, предусматривающей возможность выдачи задатка в обеспечение обязательств, возникающих на основании предварительного договора, ст.370 ГК была дополнена Федеральным законом от 8 марта 2015 г.

Наибольший массив правовых норм, логически закрепленных в актах законодательства представляют правовые нормы, которые обнаруживаются при толковании при помощи вывода *a contrario*. Этот вывод не является для юридической науки чем-то новым. Анализируя мнение Ульпиана по одному вопросу, Ф. К. фон Савиньи прибегает к выводу *a contrario* [4, с. 526]. Подробные научные положения, касающиеся использования вывода *a contrario*, формулирует Е. В. Васьковский [5, с. 290–320]. Но странным образом он в своем произведении, охарактеризованном как лучшее исследование проблем юридической герменевтики через 50 лет после его опубликования С. И. Вильнянским [6, с. 46], а еще через 50 лет – В. А. Беловым [7, с. 12], даже не обратил внимание на то, что рассматриваемые правовые нормы, по общему правилу, не способны конкурировать с текстуально закрепленными нормами, даже общими, а поэтому он не исследовал и те логически закрепленные и обнаруживаемые при помощи вывода *a contrario* правовые нормы, которые являются несовместимыми с текстуально закрепленными правовыми нормами и способны конкурировать с ними при правоприменении.

Что касается работ ученых – специалистов в области теории права, то, не имея возможности опереться на отраслевые исследования правовых норм, обнаруживаемых при помощи вывода *a contrario* (за отсутствием таких исследований), они объективно не могли подняться до уровня формулирования действительно новых научных положений. Это касается претендующих на фундаментальность работ А. Ф. Черданцева [8; 9; 10], А. С. Пиголкина [11] и упомянутого выше С. И. Вильнянского [6].

Не лучше выглядит существующая ситуация и в тех случаях, когда ученые пробуют использовать вывод *a contrario* в целях толкования конкретных законодательных положений. Так, профессор М.Г. Розенберг, одинаково блестяще ориентирующийся и в теории гражданского права и в нормах гражданского права, использовал вывод *a contrario* при комментировании ст. 453 ГК. Далее он написал: «Допустимость такого вывода не вызывает сомнений. Однако при применении этого предписания решающее значение приобретают характер его обязательности и соотношение с другими нормами ГК» [12, с. 742]. Но от решения поставленных им же вопросов М.Г. Розенберг уклонился. Таким образом, надежда узнать мнение ученого по этому вопросу, едва появившись, исчезла.

Оригинально применил вывод *a contrario* судья Конституционного суда Украины Д. Д. Лылак, который в свое время защитил кандидатскую диссертацию по

проблемам правотолкования. В особом мнении к одному из решений Конституционного суда Украины он из ст.131 Конституции, которая определяет полномочия Высшего совета юстиции, сделал вывод о том, что иных полномочий (кроме перечисленных в названии статьи) Высший совет юстиции иметь не может. Проведенное нами исследование правовых норм, которые логически закреплены в актах гражданского законодательства, дали основание для противоположного утверждения, имеющего межотраслевое значение. Дело в том, что правовые нормы, которые логически закреплены в актах гражданского законодательства и обнаруживаются при толковании при помощи вывода *a contrario*, не способны конкурировать с текстуально закрепленными (общими) правовыми нормами, совместимыми со специальными текстуально закрепленными правовыми нормами, из которых делается вывод *a contrario*. В данном случае специальная правовая норма, из которой сделан вывод *a contrario*, текстуально закреплена в ст.131 Конституции Украины, определяющей полномочия Высшего совета юстиции. По отношению к этой специальной норме общей является правовая норма, текстуально закреплённая в части второй ст.19 Конституции Украины, в соответствии с которой государственные органы должны действовать только на основании, в пределах полномочий и способом, которые установлены Конституцией и законами Украины. Следовательно, общая норма допускает, что полномочия любого государственного органа, в том числе и Высшего совета юстиции, могут определяться не только Конституцией, но и законами. Эта общая правовая норма, текстуально закреплённая в ст.19 Конституции, совместима (то есть может применяться одновременно) со специальной правовой нормой, текстуально закреплённой в ст.131 Конституции Украины. При таких условиях правовая норма, логически закреплённая в этой статье и обнаруживаемая при толковании при помощи вывода *a contrario*, не может применяться в противоречие с общей нормой, текстуально закреплённой в ст.19 Конституции Украины. А полномочия Высшего совета юстиции могут устанавливаться не только Конституцией, а и законами Украины.

Общераспространенными являются правовые нормы, которые закрепляются в актах законодательства логически, а при толковании обнаруживаются при помощи вывода от последующего правового явления к предыдущему и наоборот. Обычно, правда, принято говорить о выводе от условий к следствию и наоборот. Именно этот последний термин использовал Е.В. Васьковский [5, с.349]. Мы однако пришли к выводу, что более приемлемым является предложенный нами термин – «вывод от последующего правового явления к предыдущему и наоборот», поскольку связь явлений, применительно к которой используется этот вывод, не обязательно (не всегда) имеет характер детерминации.

Этот вывод начал использоваться в Древнем Риме, когда только начался постепенный переход от строгого формализма при толковании правовых норм к учету логически закреплённых в правовых актах норм (I век н.э.). До этого завещания в пользу рабов считались ничтожными. Постепенно, однако, пришло понимание того, что раз римлянин составил завещание в пользу раба, то он имел в виду и признать его субъектом гражданского права, то есть даровать ему свободу. Поэтому такой вывод (от последующего правового явления к предыдущему) и стали делать при толковании завещаний в пользу рабов, не содержащих указания на то, что рабу в соответствующем случае даруется свобода.

Сегодня без использования этого вывода нельзя понять содержание многочисленных положений гражданского законодательства. Так, в п.3 ст.551 ГК предусматривается правовая норма, в соответствии с которой при уклонении одной из сторон от регистрации перехода права собственности на недвижимость суд вправе по требованию другой стороны вынести решение о государственной регистрации права.

Но о праве стороны обратиться в суд с таким иском речь тут не идет. О требовании, по которому суд выносит указанное решение, речь идет в гипотезе правовой нормы, текстуально закрепленной в п.3 ст.551 ГК. А в гипотезах, как известно, права и обязанности не устанавливаются, а только определяются обстоятельства, наступление которых влечет возникновение прав и обязанностей. Так где же и как закрепляется правовая норма, дающая стороне право обратиться в суд с иском о регистрации перехода права собственности? Эта правовая норма логически закреплена в п.3 ст.551 ГК и обнаруживается при толковании при помощи вывода от последующего правового явления к предыдущему: раз суд вправе вынести решение о регистрации перехода права собственности, что предусмотрено правовой нормой, текстуально закрепленной в п.3 ст.551 ГК (последующее правовое явление), сторона имеет право при соответствующих условиях обратиться в суд с иском о регистрации перехода права собственности, что предусмотрено правовой нормой, логически закрепленной в п.3 ст.551 ГК (предыдущее правовое явление).

Известно, что Европейский суд по правам человека истолковал право на справедливый суд, закрепленное в п.1 ст.6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, таким образом, что она закрепляет право на доступ к суду и право на выполнение судебного решения. В этой связи первый судья Европейского суда по правам человека от России профессор В. А. Туманов заметил, что Суд расширяет содержание п.1 ст.6 Конвенции [13, с. 89]. Такую же мысль высказала и голландский автор Д. Гомьен [14, с. 54]. Представляется, что это – неправильная трактовка практики Европейского Суда по правам человека. Расширительное и ограничительное толкование является неприемлемым, поскольку критерии допустимости такого толкования законом нигде и никогда не предусматривались, а наукой – никогда не разрабатывались. Европейский Суд делает из п. 1 ст. 6 Конвенции два вывода. Первый – это вывод от последующего правового явления (права на справедливый суд) к предыдущему (праву на доступ к суду): раз признается право на суд, то нельзя не признать право на доступ к суду, иначе преграды в доступе к суду вообще лишают права на справедливый суд. Второй – это вывод от предыдущего правового явления (права на справедливый суд) к последующему (праву на выполнение судебного решения): раз признается право на справедливый суд, то нельзя не признать право на выполнение решения суда, иначе право на справедливый суд превратится в право на участие в спектакле под названием «судебный процесс», что было бы глумлением над правосудием.

В актах гражданского законодательства логически закрепляются правовые нормы, которые при толковании обнаруживаются при помощи вывода степени (*a fortiori*). Без использования этого вывода также нельзя удовлетворительно истолковывать многие положения гражданского законодательства. Так, в соответствии с п.2 ст.715 ГК заказчик вправе отказаться от исполнения договора, если подрядчик выполняет работу настолько медленно, что окончание ее к сроку становится явно невозможным. Совершенно очевидно, что гипотеза правовой нормы, установленной п.2 ст.715 ГК, не позволяет распространять действие этой нормы на отношения, возникающие после истечения предусмотренного договором срока выполнения работы. Поэтому по истечении этого срока заказчик не вправе отказаться от исполнения договора подряда на основании п.2 ст.715 ГК. Такой вывод следует из правовой нормы, текстуально закрепленной в п.2 ст.715 ГК. Однако следует исходить из презумпции разумности положений гражданского законодательства: не может быть такого, чтобы законодатель предоставил заказчику право отказаться от исполнения договора, когда своевременное выполнение работы стало явно невозможным, и не предоставил такого права в случае, когда эта невозможность стала действительностью: если угроза невыполнения работы в срок является основанием возникновения

права на отказ от исполнения договора, то невыполнение работы к моменту окончания установленного срока тем более должно признаваться таким основанием. При помощи вывода *a fortiori* мы обнаружили правовую норму, которая логически закреплена в п.2 ст.715 ГК.

Следует подчеркнуть, что логическое закрепление этой правовой нормы в п.2 ст.715 ГК исключает применение по аналогии к отношениям по поводу отказа заказчика от исполнения договора подряда после истечения установленного срока выполнения работ п.2 ст.715 ГК ввиду отсутствия пробела в гражданском законодательстве. К тому же следует заметить, что основания для применения закона по аналогии в данном случае отсутствуют еще и потому, что этому препятствует правовая норма, которая логически закреплена в п.2 ст.715 ГК, обнаруживается при толковании при помощи вывода *a contrario* и в соответствии с которой при отсутствии условий, указанных в этом пункте, заказчик не вправе отказаться от исполнения договора подряда. Напротив, эта правовая норма не препятствует применению правовой нормы, которая текстуально закреплена в п.2 ст.715 ГК и обнаруживается при помощи вывода *a fortiori*.

К каким грубым ошибкам приводит игнорирование правовых норм, логически закрепленным в актах законодательства и обнаруживаемым при помощи вывода *a fortiori*, показывает следующий пример. Один из судей Конституционного Суда Украины написал особое мнение, в котором он указал, что ст.22 Конституции Украины запрещает ограничивать установленные законами права и свободы человека и гражданина, но не запрещает их отменять. Это мнение действительно соответствует правовой норме, текстуально закрепленной в ст.22 Конституции Украины. Но оно не соответствует правовой норме, которая логически закреплена в этой статье, обнаруживается при толковании при помощи вывода *a fortiori* и в соответствии с которой запрещение ограничивать установленные законом права и свободы тем более означает запрещение отменять эти права и свободы при принятии новых законов и при внесении изменений в действующие законы.

Изложенное дает основание для вывода о том, что наука гражданского права должна обратиться к подробному исследованию проблемы способов закрепления правовых норм в актах гражданского законодательства. Особого внимания при этом заслуживают правовые нормы, которые логически закреплены в актах гражданского законодательства. И уж совсем не исследованными остаются проблемы соотношения логически закрепленных норм гражданского права между собой и с текстуально закрепленными правовыми нормами. Обращение к этим проблемам дало бы возможность разработать рекомендации, в которых остро нуждается правоприменительная, в особенности судебная практика.

Список литературы

1. Алексеев С. С. Общая теория права. В двух томах. Т. II. М.: Юридическая литература, 1982. – 360 с.
2. Малинова И. П. Философия права (от метафизики к герменевтики). – Екатеринбург, 1995. – 218 с.
3. Савиньи Ф. К. Обязательственное право. – М., 1986. – 581 с.
4. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право: Общие положения. – М.: Статут, 1997. – 682 с.
5. Васильковский Е. В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. – М.: ЦентрЮрИнфоР, 2002. – 432 с.
6. Вильнянский С. И. Толкование и применение гражданско-правовых норм / Методические материалы Всесоюзного юридического заочного института. – Вып. 2. – М., 1948. – С. 42–61.
7. Белов В. А. «... Выдающийся русский ученый – юрист...» / Васильковский Е.В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. – М.: ЦентрЮрИнфоР, 2002. – С. 5–29.
8. Черданцев А. Ф. Вопросы толкования советского права. – Свердловск, 1972. – 191 с.

9. Черданцев А. Ф. Толкование советского права. – М.: Юридическая литература, 1979. – 168 с.
10. Черданцев А. Ф. Толкование права и договора. М.: ЮНИТИ, 2003. – 381 с.
11. Пиголкин А. С. Толкование нормативных актов в СССР. – М.: Госюриздат, 1962. – 167 с.
12. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / под ред. О. Н. Садикова. – М.: Контракт-Инфра, 1997. – 778 с.
13. Туманов В.А. Европейский суд по правам человека. Очерк организации и деятельности. – М.: Норма, 2001. – 316 с.
14. Гом`єн Д. Короткий путівник Європейською конвенцією з прав людини. – К.: Фенікс, 2006. – 192 с.

Spisok literatury:

1. Alekseev S. S. Obschaya teoriya prava. V dvuh tomah. T. II. M.: Yuridicheskaya literatura, 1982. – 360 s.
2. Malinova I. P. Filosofiya prava (ot metafiziki k germeneytiki). – Ekaterinburg, 1995. – 218 s.
3. Savini F. K. Obyazatelstvennoye pravo. – M., 1986. – 581 s.
4. Braginskiy M.I., Vitryanskiy V.V. Dogovornoye pravo: Obschie polozheniya. – M.: Standart, 1997. – 682 s.
5. Vaskovskiy E. V. Tsivilisticheskaya metodologiya. Uchenie o tolkovanii i primenenii grazhdanskih zakonov. – M.: TsentrYurInfoR. – 2002. – 432 s.
6. Vilnyanskiy S. I., Tolkovanie i primeneniye grazhdansko-pravovyih norm / Metodicheskie materialy Vsesoyuznogo yuridicheskogo zaochnogo instituta. Vyip. 2. – M., 1948. – S. 42-61.
7. Belov V. A. «... Vyidayuschiy russkiy ucheniy – yurist...» / Vaskovskiy E.V. Tsivilisticheskaya metodologiya. Uchenie o tolkovanii i primenenii grazhdanskih zakonov. – M.: TsentrYurInfoR. – 2002. – S. 5-29.
8. Cherdantsev A. F. Voprosy tolkovaniya sovetskogo prava. – Sverdlovsk, 1972. – 191 s.
9. Cherdantsev A. F. Tolkovanie sovetskogo prava. – M.: Yuridicheskaya literatura, 1979. – 168 s.
10. Cherdantsev A. F. Tolkovanie prava i dogovora. M.: YuNITI, 2003. – 381 s.
11. Pigolkin A.S. Tolkovanie normativnyih aktov v SSSR. – M.: Gosyurizdat, 1962. – 167 s.
12. Kommentariy k Grazhdanskomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii, chasti pervoy (postateyniy) / pod red. O.N. Sadikova. – M.: Kontrakt-Infra, 1997. – XXII, – 778 s.
13. Tumanov V.A. Evropeyskiy sud po pravam cheloveka. Ocherk organizatsii i deyatelnosti. – M.: Norma, 2001. – 316 s.
14. Gomen D. Korotkiy putivnik Evropeyskoyu konventsiey z prav lyudini. – K.: FenIks, 2006. – 192 s.

Rotan V. G. // Scientific messages of Crimean federal university the name of V. I. Vernadsky. Juridical sciences. – 2015. – T. 1 (67). №2. – P. 141–148.

The problem of the legal ways to fix the legal norms in acts of civil legislation has never attracted a proper attention of science. Even E. V. Vaskovsky, who created a powerful rationalist doctrine of the interpretation and application of civil laws, did not lead the study of these methods to the logical conclusion. We meet problems even in the interpretation of textually enshrined legal norms. As for logically fixed legal rules, they are simply ignored both by science and by practice of law-making. The scientific tools of discovering logically enshrined legal norms is usually replaced by an abstract reference to the meaning or content of the relevant provision of the act of the civil legislation. Therefore, the science of civil law should apply to the study of logically fixed legal rules. Logically embodied in the acts of the civil legislation legal norms can be found in the interpretation by considering the context and using the derivation a contrario, a fortiori, from previous legal phenomenon to the next, and vice versa. Logically fixed legal norms of civil law are able to compete with the textually enshrined legal norms. However, legal norms, discoverable by using a derivation a contrario could not be applied in contradiction with the textually enshrined legal norms. However, this rule has some exceptions.

Keywords: legal norm; civil law; textually fixed legal norms; logically fixed legal norms; derivation of degree; derivation to the contrary; context; preferential application of the rules; the competition between the legal norms.